Илья Муромец (4)

Жил-был мужичок. У него было 12 сыновьёв и 12 дочерей; один, Илья Муромец, был без ног. Отец его отвез в леса, в особенную избушку, и он Богу молился 12 лет. Летней порой приходит к нему старичок. Старичок поздоровался с ним и говорит: «Илья Муромец, нет ли что у тебя напиться?» — Илья отвечает: «Есть у меня пивцо, отец привез, только у меня ног нет; не сходишь ли сам ты?» — Старичок сказал: «Как добрые люди ходят, так и ты стань да поди!» — Тогда Илья Муромец стал, взял ту́ес, пошел, принес туес пива. Старичок немного попил и говорит: «Илья Муромец, ну-ка теперь после меня допей это пиво, из этого туеска!» — И он выпил. Объяснил старику, что «я чую в себе силу непомерную: чтобы был столб от земли и до небеси, а в столбу бы кольцо, я взял бы за кольцо и поворотил все».

«Ты принеси еще, Илюшенька, мне пива!» — Принес он туес пива. Старичок попил, остатки подает: «Допей, Илюшенька, остатки!» — Выпил и говорит: «Теперь против той силы треть доли у меня нету, мало остается силы!» — «Будет тебе! Против простонародия, — говорит, — будет и этой!» — Старик с ним распростился; только старика и видел он.

Илья Муромец собрал кое-что с собой, отправился домой пешком. Приходит домой. Мать очень сделалась рада. А родитель был на пашне, их дома не было с детями. Приказал Илюшенька: «Родительница, напеки лепешек и блинов, я отправлюсь на пашню к родителю, гостинца понесу им». — Мать напекла блинов рі лепешек; он отправился на пашню. Приходит. Некоторые братья признают, что «это братчик Илья Муромец идет наш». — То он скричал: «Идите, родитель, и вы, братья, пообедать, горячих блинов есть!» — То они побросали топоры, шли на стан; с ним поздоровались, начали обедать. Илья Муромец (сказал), когда они пообедали: «Ложитесь, родитель, и вы, братья, спать, а я немножко порублю там лес!» —Тут сказали братья, что «мой возьми топор!» А другой: «Мой возьми!» — «Ладно, братья, ложитесь только спать! Который топор погля́нется, тот и возьму».

Илья Муромец, все равно как осот, всякую лесину дёргал, и выдергал, и бросал в Неву-реку. Захотелось ему Неву-реку спрудить, а Нева-река другим местом прошибла. (Не мог её лесом спрудить.) Сколько ни было лесу, он весь лес выполол и весь в реку сбросал. (Какой рубака славный!) Приходит на стан: «Будет, тятенька спать!» — Те стали, сдивилися. Запрягли

лошадей, приезжают домой.

То приехали домой. Он говорит, что «родитель, пусти меня в поле, широ́ко раздолье, людей посмотреть, самому себя показать!» — Приходит он на баршину; видит народу много. Приходит и говорит: «Нет ли у вас борца такого?» — Один выходит: «Давай поборемся!» — А он оговорку поршел с нрш, что «братец, чтооы в просьбу не ходить, кто кому чё сделает!» — С ним взялись бороться; как поднял, тряхнул, то́рнул его о́б землю, у него и кишки вылетели, у этого человека. Однако взял так, бросил на укидку и того убил. — «Народ слабый! — говорит, — нечего его и хитить!»

Приходит домой, садился на завалину. А у него сусед был купец. Суседу стал обсказывать об этом; сусед сдивился. — «Вот бы мне такого в лавку! — говорит, — ну, не смел бы воровать другой!» — Тогда Илья Муромец согласился к нему в приказчики, нанялся за 40 червонных на месяц, чтобы семья ходила к нему обедать. Купцу хотя дорого: «Ну, на *испытущу*, что из него будет!» — согласился. Приводит его в лавку, рассказал, чё почём продавать. Начинает торговать, и торговля рщет ему хорошая.

Купец поехал на ярманку, а он остался торговать. Купец с ярманки приезжает — товары он распродал все. — «Господин хозяин, деньги получи, а товару свежего нагружай!» — Купец тому делу сдивился, что «я 30 лет торговал, столь не выторговал, как ты выторговал в одну неделю!» — Илья Муромец не согласился сидеть в лавке, торговать: «Лучше по белому свету съездить покататься!»

Пошел он на рынок себе богатырского коня искать. Сколько он на рынке ни ходил, а как руку свою наложит, под рукой кони гнутся. Тогда он ходил по городу, приходит к священнику; у священника своробливый жеребенок есть. Этот жеребенок может под рукой под его дюжить. — «Поди, родитель, купи мне этого жеребенка у попа! Что он запросит, то и отдай!» Приходит его родитель к священнику, торгует жеребенка, а поп просит сто рублей. Этому старичку дорого показалось, приходит без жеребенка домой.

То Илья Муромец сказал: «Что ты мне, родитель, не купил?» — «Очень он дорого просит, сто рублей!» — «Если запросит он двести, и двести рублей отдай! Не пожалей, пожалуйста, купи мне этого жеребенка!» — Во второй раз приходит, батька запросил за него двести рублей, а старик ему подал двести рублей. Кое-как до двора довёл, поставил его в такой струб и ходил за ним день и ночь, кормил его. То он через два месяца почуял в себе силу, выскочил из струба и мог выворотить колодец (яму). Потом Илья Муромец

скоро коня поймал, привязал коня; пошел на рынок, купил себе богатырское седло и уздечку.

Потом он простился с родителем, сел на коня, обседлал его и поехал. От царя он жил расстояние в ста верстах. Был он дома у заутрени, а между этого дела поспеть охота ему к обедне к царю. Каким родом? — Прямой дорогой, где Соловей-разбойник сидит на 12-ти дубах. Соловей-разбойник не пропускал ни конного, ни пешего, на 12 вёрст от себя не допущал; как свистнет, конь убьётся, и человек мог погинуть. Был раньше тракт, забросили его; никто не ездил, а он осмелился ехать. Приезжает он близ Соловья-разбойника. Соловей-разбойник свистнул, и конь его на коленко пал. Он своей боёвой палицей бил его по бедрам. — «Что ты, травяной мешок, врагу покоряешься? Я соломенный мешок, да и то не покоряюсь!» — То конь его спрыгнул, веселее того побежал.

Подъезжает близ Соловья-разбойника, а Соловей-разбойник свистнул в весь свиск. Конь его опять поткнулся, на коленки пал — «Что ты, травяной мешок, врагу веруешь? Я соломенный мешок, да и то врагу не верую!» — Бил его по бедра́м. То конь его спрыгнул, веселее того побежал. — Тогда видит Соловей-разбойник, что он гонит, свистел лихим матом. Тогда конь на это не смотрел, летит прямо к дубам. Подогнал к дубам, натянул свой лучок, кленовой стрелой сшиб его с дубов. Привязал его к струменам, отправился к царю.

Едет он мимо его дочерей. А дочери увидали, сказали, что «тятенька нам гостинец везет». Соловей-разбойник отвечал, что «тятеньку самого везут в тороках́. Вы обед про Илью Муромца исправьте; он не пожалеет и меня!» — Поскорости навешали над воротами стопудовую доску: что «мы позовем его в гости, так спустим эту доску, задавим его». — Расслушал Илья Муромец такие речи: «Некогда мне обедать разъезжать, нужно мне и к обедне поспевать!»

Приезжает прямо в монастырь, пускает своего коня в оградку, а сам заходил в Божий храм. Обедня отходит, весь народ выходит; также и богатыри выходят, видят, что у него конь в Божьем храме, в ограде, значит, непорядки! Один богатырь, увидевши Илью Муромца, берет он коня: «Как ты можешь в Божий храм завести коня? Я вот возьму тебя, как трепесну, только и было! (Как ударю и убью!)» — Илья Муромец на то осердился; ударил своей боевой стопудовой палицей богатыря — богатырь разлетелся на мелкие части.

А другой говорит: «Вот, знать-то, ты мне будешь брат, силой ровнак!» — Илья Муромец сказал, что «в поле съезжаются, родом не считаются! Давай мы с тобой сначала съедемся, побра́туемся — тогда братьями назовемся!» — То они разъехались с ним на версту, ударились — у них палица об палицу впились обе, никто не мог друг друга похитить. Тогда назвались они братья, что «силой равны мы с тобой!».

У царя был бал. Обносили по бокалу, и по два, и по три, и некоторые начали хвастаться, купечество — деньгами, а богатыри — войсками. А Илья Муромец похвастался, что «я прямой дорогой ехал, Соловья-разбойника сшиб с дубов». — Тогда не верили; доложили государю, что «похвастался Илья Муромец Соловьем-разбойником; пускай он его притащит, поглядим, что за Соловей?» — Притащил Соловья-разбойника. Всем нужно посмотреть. Царь сказал: «Что, Илья Муромец, можно ли его заставить свистнуть?» — Илья Муромец с оговоркой: «Ваше Царское Величество, я заставить заставлю, чтобы меня не запричи́нить, народ тут есть хилый, которые кончатся!» — Царь приказал ему, чтобы свистнуть тихо.

Тогда он царя взял под правое свое крыло, а царицу под левое; скричал Соловью-разбойнику, что «как можно тише свистни!» А Соловей-разбойник свистнул во весь свист, народу, простонародия, повалил как варом, много народу убил. То Илья Муромец взял Соловья-разбойника, полыснул его об землю и расшиб на мелкие части (нарушил его тут: что народу много погубил). Поблагодарил его царь, взыску никакого не сделал с него (что народу много он похитил).

То он отправился в путь дальше, Илья Муромец. Натакался он на Егора Златогора. Егор Златогор с руки на руки горы перебрасывает — шалит. (Посильнее Ильи-то Муромца еще.) Тогда стегнул Илья Муромец Егорову лошадь, она прыгнула, а Егор Златогор не мог поворотиться, увидать, отчего она прыгнула. Во второй раз Илюшенька еще стегнул Егорову лошадь, она еще дальше упрыгнула. Тогда увидал он Илью Муромца. — «Илья Муромец, балуешься! (Понюжаешь мою лошадку!)».

Посадил его со всем с конем в карман Егор Златогор. У Егора стала лошадь спотыкаться. Егор стал лошади говорить: «Что ты, моя лошадка, потыкаешься? Или тебе старость подходит?» — Конь отвечает, что «ты посадил богатыря не хуже себя! Как же мне не тяжело, не спотыкаться? » — Выпустил его из кармана, поехали с ним рядом.

«Ну, теперь, Илья Муромец, поедем к моему родителю!» (Егор Златогор сказал.) Попала им старушка: идет старушка с пестерюшкой; сверсталась старушка против них; пестерюшка будто бы вырвалась у ней из рук — пустила ее на землю. Старушка ответила: «Господа богатыри, подайте мне пестерюшку; у меня спина болит, согнуться я не могу!» — Егор Златогор приказал Илью Муромцу подать старушке пестерюшку. Илья Муромец подъезжает к пестерюшке, хотел своей ногой поднять, ничего не может поделать; соскочил с коня, принялся руками, — пестерюшка только шевелится мало-мало, а от земли нисколько не подымается, ничего не может отодрать ее.

Наконец, Егор Златогор сидел, смеялся: «Эх ты, Илюшка, не мог подать старушке пестерюшку!» —Тогда Егор Златогор слез с коня, сам за пестерюшку взялся, никак не мог пестерюшку пошевелить. Тогда Егор Златогор садился на коня, сказал старухе: «Как знаешь, так и подымай! сама: мы не можем!» — Старуха, наконец, сказала: «Вы г...ы! Называетесь богатыри, а г...ы, пестерюху не могли подать старухе!» —Тогда старушка взяла пестерюшку и опять пошла. И они поехали.

То приезжают к Егору в дом. Приказал Егор Златогор положить боёву палицу на огонь: «Не подавай ему руку (когда будешь здороваться), а подавай палицу, а то он изуродует у тебя руку. Отец, — говорит, — у меня слепой, все равно не увидит!» — Приезжает; в огонь палицу бросал Илья Муромец; поздоровался Егор Златогор с родителем.

А тогда родитель сказал, что «нет ли у тебя какого товарища, Егорушка?» — «Я привез братчика Илью Муромца». — «Илья Муромец, дай-ка мне свою правую руку — поздороваемся со мной!» Илья Муромец выхватывал свою боёву палицу, подавал старику вроде руки здороваться. То он пожал боёву палицу — из обоих концов сок пошел. Сказал старик слепой, что «есть у тебя, Илья Муромец, сила! Не против Егорушки, все-таки есть сила!»

Пообедали; поехали с ним в путь опять. Приезжают близ Невы-реки, услыхали в таком Урале шум, вереск, — «Что такое? (Пискотня!) Подворотить нужно». — Заезжают в такую трущобу; оказалось: стоит только один гроб, а в этом гробу ничего нет. Сказал Егор Златогор: «Ну-ка, Илюшенька, не про нас ли эта гробница исправлена? Ляг в нее, померяй!» — Илья Муромец лег в этот гроб, он ему долог и широк.

Тогда Илья Муромец вылезал из этого гроба, Егор Златогор лег. Егор Златогор лег в гроб, ему всё равно как впилось: не долог и не широк. — «Ну-

ка, Илюшенька, накрой крышку! Как придется?» — Илья Муромец накрыл крышку, все равно как и тут было, впилося. — «Теперь можешь скрывать!» — Илья Муромец стал открывать, открыть не может. Сказал Егору Златогору, что «я оторвать руками не могу!» — «Бей боёвой палицей, чтобы гроб разлетелся!» — Ударил он по гробу, налетел на его обруч железный; ударил во второй раз — другой; в третий раз ударил — три обруча. — «Знать-то, Егор Златогор, тебе вечно быть в гробу! Нечего и щелкать, три обруча натянуто на тебе!»

«Пробей над моей гортанью дыру, я тебе силы дам!» — То он пробил своей боёвой палицей дыру. Егор Златогор сказал: «Смотри, Илюшенька, покуль идут белые слюни, пей, а желтые пойдут — не пей!» — Пьет и чует в себе силу непомерную. Пошли слюни желтые, не стал он пить. — «Будет, Егор Златогор, мне и этой силы!» — «Возьми боёву палицу и испробуй: ударь дуб, как дуб разлетится!» — То он ударил, а дуб разлетелся на мелкие поленья сразу весь.

Тогда распростился Илюшенька с Егором Златогором, немножко отъехал и окаменел на коне: ходу не стало, Господь не попустил. А Егор Златогор окаменел в гробу. (Ведь нынче богатырей нету!) И недалеко от Невы-реки они (окаменели).

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике".